

Новая газ. — 2001. — 15-21 янв. — с. 1, 20

(Окончание. Начало на стр. 1)

Этимология

Насчет тростника — вырвалось. Дудук мастерят из абрикосового дерева, а пробовали из груши, сливы, яблони. Но звучал только абрикос... Удивительное дерево! Кто знает, случайно ли, что подлинно национальный инструмент воплощается именно в абрикосе, по-латыни «фруктус арменика». Армянский, стало быть, фрукт. В других странах сопелки, сиповки, волынки, свистульки разные делают из ивы и тростника, и у нас они некогда были в ходу, факт зафиксирован древним историком. А прижился дудук. К слову: дудук стали называть по-русски дудуком в 20—30-е годы. Никакого тут противоречия нет: историк пятого века Мовсес Хоренаци не владел, конечно, русским языком и называл инструмент *циранакхом* — в прямом переводе душа абрикосового дерева, его дух или что-то в подобном роде.

— Наскальные рисунки изображали дудук?
— Мастер пожимает плечами: — Не знаю, кажется, нет.
— Ну не странно ли? Какие только позы не увековечены в римских банях или других древних постройках! Подумайте! Дудуку не нашлось места на античных стенах — почему? Потому что стыдно. Даже бесстыдству стыдно.

Эстафетная палочка мастера

— До войны в кинотеатре «Москва» играли дудукисты-таперы. Лилась ненавязчивая мелодия, а на экране разыгрывались горячие страсти. Там играл дудукист Маркар, царство ему небесное. Господи, до чего же мне нравилось его исполнение! Я ему проходу не давал. Однажды накопил порожней посуды и вырученную сумму отдал дяде Маркару. Он отвел мою потную ладошку с деньгами и протянул один из своих дудуков: «Играй. Кажется, ты человеком вырастешь». Нету дяди Маркара, — вздыхает Дживан.

У моего старого приятеля синие-пресиние глаза. А печаль больше подходит черным. Отец погиб на фронте, еще раньше лишился матери. Так и рос один-одинешенек с дудуком в обнимку.

Опрос

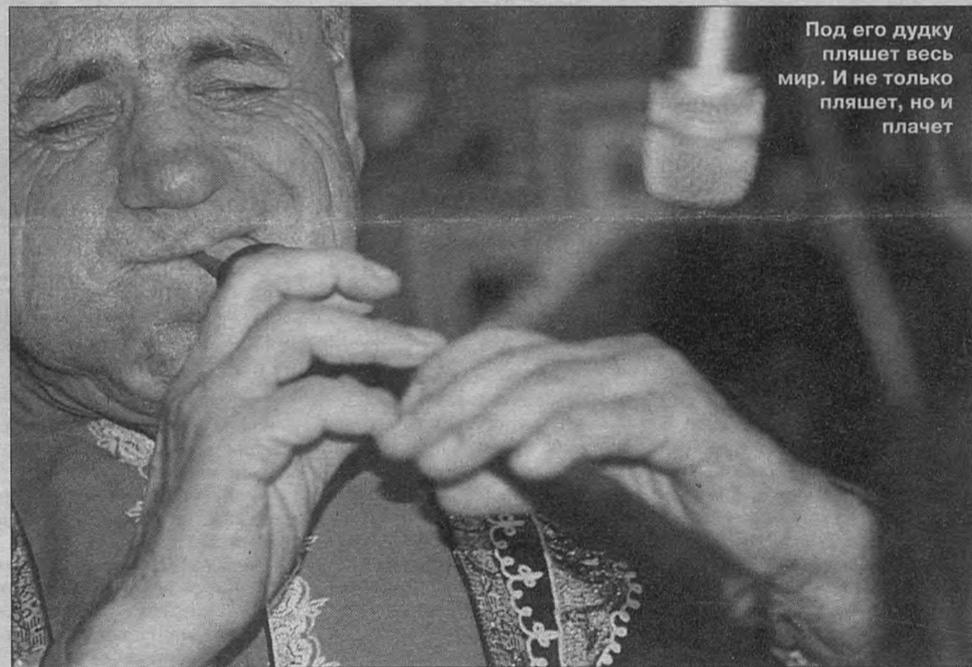
На днях ереванский телеканал провел опрос на улице: «Какой музыкальный инструмент вам нравится?» Будто сговорившись, отвечали: «Дудук, он больше всего соответствует нашей судьбе, нашей печали». Другого и не ожидалось.

Свой среди своих и среди чужих

— В минувшем году выступал в Стамбуле...
— В Турции? — удивляюсь я, будто еще где-то есть Стамбул.
— Ну да, — улыбается Дживан. — Тридцать тысяч турок грустили со мной.
— У каждого своя грусть, — роняю я.
— Ты прав...
— Но у нас еще и общая, национальная.
— Это судьба, — говорит он... — Это судьба, — повторяет, — а если судьба, никуда не денешься.
Вот на что не знаю ответа: печаль — это что, сумма тысяч и тысяч грустей? Или самодостаточна без слагаемых чувств?
— Туркам, небось, интересно слушать армянина.
— Знаешь, они в нашем дудуке находили и свои мелодии.
Тут я промолчал, хотя и просилось: одно Армянское нагорье на нас, однако ж горегорюшко разное.
Собирались о пирах разговаривать, но видите, как полчается. Я не задаю вопросов, диктофон крутится вхолостую.
— И итальянцы очень понимали, и немцы, и японцы, и

арабы, и англичане. Дудук человекен.

Конечно, так. Конечно же. — Слушай, давай подробнее о Стамбуле.
— Да я туда скоро снова собираюсь, намечена запись с турецким ансамблем народных инструментов.
— Это как?
— Ансамбль, допустим, исполняет турецкую национальную музыку, потом вступает дудук с армянским дыханием.
— Интересно, интересно...
— Или оркестр играет армянскую музыку, а я веду соло — турецкую. Импровизирую.
— Теперь понял. Вроде диалога: они — свое, ты — наше, они — наше, ты — их. Занятно.
— У меня приятное сотрудничество с Лайонелом Ричи, бывшим солистом группы «Коммодор», струнным квартетом из Сан-Франциско «Кронос», лондонцем Питером Габриэлем, в свое время основавшим культовую группу «Генезис», артистом Андреасом из Швейцарии, миланским композитором Людвиком, итальянским кларнетистом Луиджи...
— Не торопи, — прерывает собеседника, — дай записать имена.
— Ты главное имя запиши: Эдик Саркисян из Лос-Анджелеса, мой близкий друг, который подал руку, когда я очутился там с двадцатью центами в кармане. Денежки погорели в Сбербанке, и я уехал в США на заработки. Играл в ресторане.
— Армянском?
— Американском. И жил у Эдика дома.

Под его дудку пляшет весь мир. И не только пляшет, но и плачет

МОГУТ ЛИ УШИ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА?

Или почему так понятна печаль, когда играет Дживан Гаспарян

убила этого человека. Счастливым! Он отправился в тот мир под молитву!». Всё.

Не согласен

Несогласие в следующем: Дживан Гаспарян считает, что ансамбль дудукистов совсем даже неплохо звучит. Помнишь, сказал он, как нашего друга хоронили? Двадцать дудуков я привел, чтобы оплакать его.
— Много дудуков, — выдавливаю я из себя остороженько,

пы и сборищ. Она направлена вовне, ибо криклива, если не сказать визглива и истерична.
— У зурны совсем-совсем другая психология, — снисходительно произносит мастер Дживан Гаспарян. — А дудук камерен, он как бы для внутреннего пользования, интимен, если угодно. Потому и Сарояну моя игра на дудуке напомнила молитву.
— Женщинам дудук подвластен?
— Мастер смеется:

на меня, но мои уста немые, они не умеют играть.
«Заго перо творило так, что уместно переложить на музыку для дудука», — подумал я, а вслух попросил:
— Давай вспомним что-нибудь забавное.
— Однажды после моего сольного концерта за кулисы пришли Хачатурян и Ростропович. Арам Ильич высказался тепло о выступлении, познакомился с известным виолончелистом, поинтересовался планами. Я возьми и ляпни дуру: в Париж меня пригласили, ЮНЕСКО празднует какую-то дату.
Немного позже поехал в Москву, чтобы лететь во Францию. А мне «Союзконцерт» отвечает: «Извините, но нам велено переиграть. Вместо вас поедет Ростропович. Рассказывали, что Ростропович звонил аж самому Громыко, предлагая себя.
— Разве это смешно?
— Послушай дальше. Ростропович тогда уехал в Париж и больше не вернулся в СССР! Совсем другое дело, верно?
Виолончель перебил голос дудука. Дудук же камерный, вежливый, деликатный. И очень ранимый.

но. А «Дле яман» — мелодия, вызвавшая разрыв сердца у армянского старца в Калифорнии, — это название непереводаемо. Никому не под силу перевести короткие два слова, два восклицания, два горьких вдоха, два упрека, два сожаления о том, что было и никогда не повторится. В общем, об армянской судьбе, о том, что на лбу написано и еще не прочитано, ибо не поддается прочтению.

А иные говорят, что дудук знали в древнем Китае, а другие возражают, что абрикос был известен в древнейшей Армении, трети вспоминают про Парфию и Рим и будут по-своему правы.

Как бы то ни было, в звуках армянского дудука спрессованы страсти и думы тысячелетий. Не в том смысле, что духовой инструмент поставляет слушателям музыкальные брикеты, сжатые донельзя эмоции минувших эпох. Нет и трижды нет. В мелодиях этого уникальнейшего инструмента слышны ликование храброго римского легионера, перебор четок парфянского мудреца, тревожное ожидание армянина... Прохладная струя трезвого разума и горячий бред опьяненного любовью сердца.

Если бы у нас не было дудука, то его надо было придумать. Повторяю: если бы у армян не было дудука, то его НЕОБХОДИМО было придумать.

Про часть репертуара. Почти без комментариев

Вот названия некоторых армянских народных мелодий, исполняемых знаменитым дудукистом Дживаном Гаспаряном: «Повеяло прохладой», «Братец-охотник», «Эй, дорогая», «Я в этом мире вздоха не издам», «Пахарь», «Мой маленький цветник»... Это все понят-

чтобы собеседника не обидеть, — это как толпа, правда, одно-голосая. А соло — это искусство, музыкальная инкрустация исстрадавшейся души.
Что он ответил? Не помню, не знаю. Диктофон отключился, и глаза застлала картина того скорбного дня, когда двадцать дудуков из Лори, Ширака, Арарата, из Еревана, наконец, оплакивали уход в небытие замечательной личности.

Каменное ли сердце у каменного человека?

Не смейтесь, пожалуйста. Вы когда-нибудь задумывались, о чем думает родековский «Мыслитель»? Он слушает дудук.
Однажды давным-давно в ленинканском ресторане я расспрашивал о дудуке Шарля Азнавура. Он сказал, что парижанам дудук не знаком, что там другой мир звуков.
— Жалко, что в Париже не знают дудук.
— Жалко, — кивнул он.

Возвращение к прологу

Звук — литой, плотный, тембр мягкий. Зурна — она инструмент уличный, для тол-

— В какой-то степени. Но не то, не то.
Вообще дудук — инструмент изначально застойный. Пили под-дудук, пили, печались и веселились.

— А под Новый год исполнишь что-нибудь опять невеселое?
— Отчего же? Можно и радостное.
— На холоде, — спрашиваю невпопад, — дудук деревенест?
— Скажешь же, — смеется он. — Пальцы деревенеют, случается.
— Играешь на свадьбах?
— Знаешь ведь, что нет, зачем спрашиваешь?
— Для читателя стараясь... Первый учитель, Маркар, подарил тебе дудук. А ты сам-то даришь?
— Часто. Сарояну тоже дарил.

Сароян. Тема для дудука

— Несколько дудуков я ему подарил, хороший был человек.
— А прозаик — просто великодушный.
— Из своего Фресно писал ереванскому поэту: «Рачик-джан, по утрам я смотрю на дживановские дудуки, они —

Дживан Гаспарян — мастер дудука

● Иосиф ВЕРДИАН, наш соб. корр. Ереван. Фото Пааты АРЧВАДЗЕ